

**МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА***(г. Самара)*

В статье анализируются различные методологические подходы к анализу феномена сословной повседневности мещан в дореволюционной России. Показывается и доказывается необходимость симбиоза макро- и микро подходов к изучению повседневных сословных практик. Сам подход истории повседневности под влиянием источниковой базы в виде делопроизводственной документации трансформируется в проблемное поле «истории снизу».

Ключевые слова: мещанское сословие, история повседневности, микроистория, практики и стратегии повседневности.

*Kobozeva Z.M.²***THE BOURGEOIS CLASS UNDER THE GUN
OF METHODOLOGICAL PLURALISM***(Samara)*

The article analyzes various methodological approaches to the analysis of the phenomenon of class everyday life of burghers in pre-revolutionary Russia. The necessity of a symbiosis of macro and micro approaches to the study of everyday class practices is shown and proved. The approach of the history of everyday life itself, under the influence of the source base in the form of office documentation, is transformed into a problem field of «history from below».

Keywords: middle-class class, the history of everyday life, microhistory, practices and strategies of everyday life.

Круг источников, позволяющий реконструировать сословную жизнь мещанства, обладает такой специфической чертой, свой-

¹ Кобозева З.М. – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, kobozeva.zm@ssau.ru

² Kobozeva Z.M.² – Doctor of History, associate professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, kobozeva.zm@ssau.ru

ственной делопроизводственной документации, как лапидарность сюжета. Тысячи «маленьких трагедий», не имеющих биографического начала и конца и повествующих о конкретном мгновении в жизни индивида, могут быть или «проигнорированы» в результате усредненности и типизации, включения в статистику, в обобщения, констатирующие тенденции, пополняющие «царство массовости и обезличенности»¹, или стать объектом пристального внимания на предмет выявления человеческой субъективности со всей неповторимостью индивидуального проживания исторического времени. Источники по проблеме повседневной жизни мещанского сословия систематизированы в основном в архиве, сообразуясь с групповым принципом. И тем не менее каждый из них, взятый в отдельности, заключает в себе неповторимый индивидуальный колорит частного события.

Появляется идея о необходимости исторического синтеза системно-структурного, социокультурного и психологически-личностного подходов в изучении проблемы мещанской жизни провинциального города. Необходимо, анализируя мир социальных отношений, мир повседневности, мир воображаемого, не только сосредоточиться на «малоподвижной структуре коллективного сознания», но и «зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе человеческой субъективности», обратив особое внимание на «проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, рационального выбора»². Подобного результата можно добиться только с помощью синтеза макро- и микроподходов.

Различные программы макро- и микроподходов в границах социальной истории, как правило, все же разводят свои предметы: часть продолжает методами социологии изучать классы, сословия и иные большие группы людей. Другие, сделали предметом своего изучения «социальные микроструктуры: семью, общину, приход, разного рода другие общности и корпорации»³. Нами при изучении мещанства, был выбран типичный для отечественной историографии макрообъект – сословная структура. Но подходы к анализу были определены с позиций исторической антропологии, при которых

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 271.

² Там же.

³ Там же. С. 27.

«социальность исторического субъекта принималась как атрибут и следствие непосредственного межличностного общения в микрогруппах»¹.

Возникло убеждение в том, что «микрокосмические» процедуры, выходя в «макроисторическое пространство», «вполне способны выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории»². Реальность человеческих связей и отношений в рамках такого значительного социального локуса, как сословие, может быть понята через многосторонний ситуационный анализ, позволяющий реконструировать индивидуальное событие в его целостности, «то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а также последствий человеческих поступков»³.

Как отмечает в своем исследовании Л.П. Репина, «установление... всех вариантов практических решений, оказавшихся возможными в данном социальном контексте, в перспективе может позволить перейти от индивидуального опыта к коллективному и к характеристике самого социума»⁴.

П. Бурдые в этом отношении отмечал, что «тысячи бесконечно малых происшествий», интегрируясь, порождают «объективное чувство, воспринимаемое объективным аналитиком»⁵. В обновленной социальной истории в центре системы должен стоять «деятель», «агент», «актор», субъект исторического действия – человек или коллектив (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошлого развития... с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума»⁶.

На современном историографическом этапе ясно одно: один метод не исключает другого, «исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает обращение как к макроистории, которая

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 82.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 300.

⁴ Там же.

⁵ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 136-137.

⁶ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 308.

выявляет влияние общества...на поведение личности, так и к микроистории, способной раскрыть способы включения индивидуальной деятельности в коллективную»¹.

Микроистория изучает прошлое «на основе микроаналитических подходов, сформировавшихся в современных социальных науках (прежде всего в социологии, социальной психологии, экономической теории и культурной антропологии»². Микроуровень в социологии подразумевает изучение таких проблем, как групповая идентичность, внутригрупповое взаимодействие, интеракции («отношения власти, способы коммуникации, распределение ролей и т.д.»³ При изучении такой категории, как сословие, казалось бы, затрагивается сфера макросоциологии, однако применяемая исследовательская «оптика» позволяет выявить микроявления внутри макрообъекта.

Проблема уровня анализа зависит от выбора социального контекста, в рамках которого рассматривается то или иное явление. Те методы, которые традиционно относятся к микросоциологии, в частности, теория символического интеракционизма, могут быть использованы для анализа таких крупных социальных групп, какими являлись сословия. Кроме того, можно использовать и социометрию (анализ межличностных отношений симпатии и антипатии), теорию групповой динамики (анализ отношений внутри группы), психотерапевтическое направление (игровое, спонтанное моделирование внутригрупповых отношений)⁴.

До сих пор историками ведутся дискуссии, касающиеся таких проблем, связанных с микроисторическим подходом, как соотношение «генерализации и индивидуализации», «мелочей и подробностей», «понятий и образов», «взаимодействия макро- и микроанализа»⁵. Скрупулезный поиск в источнике «человека» – так нами понимается деталь (она же подробность, она же мелочь). Эта деталь способна как разрушить общую схему, так и придать ей новый ракурс, новое видение, обнаружить новые свойства. Микроанализ, используемый в данном исследовании, вызван скупостью эго-

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 308.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006. С. 651.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 654-655.

⁵ Там же. С. 659-665.

источников, применительно к такому сословию, как мещанство. Поэтому историческому осмыслению мещанской сословной идентичности может помочь только глубоко запрятанная в делопроизводственном тексте деталь, она же мелочь, она же подробность.

В отношении дискуссий о научных «понятиях и образах», используемых микроисторией, в частности двух «казусов»: «масштаб» и «микроскоп»¹, следует отметить, что под «масштабом», как словом, заимствованным из области картографии, архитектуры и оптики, понимается отношение длины отрезков на чертеже к длинам соответствующих им отрезков в натуре. Поэтому исследовательский «масштаб» выступает как соотношение «отрезка» события, выхваченного из жизни ничем не примечательного горожанина, отображенного в документе, к «отрезку» сословной жизни, начертанной для многих таких ничем не примечательных горожан законодательством и властью. Третьим «отрезком» выступает некая сословная модель «снизу», которая получается в результате адаптации и приспособления многочисленными акторами той структуры, которая была для них спущена «сверху». И, как справедливо отмечал П. Рикер², «при смене масштабов «видны не одни и те же звенья: выступают связи, оставшиеся незамеченными на макроисторическом уровне»³. При переходе к большему масштабу происходят «потери в том, что касается деталей»⁴. Однако этот же автор при характеристике методов микроистории выражает опасение в отношении возможностей впасть в событийную историю и вернуться к анекдоту⁵. Но в моем исследовании мещанства «анекдот» является неизменным элементом анализа, под которым понимаются, вслед за Н.З. Дэвис, «разные жизни, но разыгранные, так сказать, на общем поле»⁶. Это то, как мещане или их сословные представители, вкусившие «от городского говора и печатного текста»⁷, объясняли свои жизненные ситуации власти. Таким образом, «анекдот» или

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006. С. 662-664.

² Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 293-319.

³ Там же. С. 295.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. С. 299.

⁶ Дэвис Н.З. Дамы на обочине : три жен. портр. XVII в. М., 1999. С. 237.

⁷ Там же.

«казус» выступает в качестве метода, позволяющего увидеть и услышать мещанина, не исковерканного типизацией.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев принципиально возражают тезису, высказанному Л.П.Репиной о том, что микроисторические исследования можно использовать в качестве «первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории»¹. Авторы утверждают: «...как показывает опыт полувековых дискуссий о соотношении макро- и микроанализа, ведущихся в экономике и социологии, эти два подхода не сводимы один к другому и микроаналитические исследования не могут служить блоками для построения макротеорий общественного развития»². По мнению Савельевой и Полетаева, «соединить микро- и макротеории в непротиворечивую систему до сих пор не удавалось»³.

Согласиться с подобным утверждением – означает перечеркнуть основную идею данного исследования, согласно которой словная «рамка» позволяет посмотреть, как можно строить свои поведенческие тексты, жить, любить, страдать, веселиться, надеяться и считать деньги в границах определенных прав и обязанностей. Причем наше исследование сознательно уводит эту повседневную жизнь от такого тоталитарного объяснительного механизма, как марксистская классовая теория. Но чтобы «спасти» повседневность от нее, нужно было придавать смыслы и значения несколько иным историческим фактам, чем это делалось традиционно в отечественных макроисследованиях.

Таким образом, в границах микроисследования можно обнаружить такие поведенческие стратегии, семейные, индивидуальные, групповые «перед лицом экономической реальности, иерархических отношений, во взаимодействии между центром и периферией»⁴, которые вызваны человеческой субъективностью и игрой судьбы и обстоятельств. С другой стороны, не можем не игнорировать и некоторые макропроцессы, «габитусы», определяющие поведение индивидов в тех или иных ситуациях, создающие определенную систему координат, относительно которой протекает

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 77.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом.: теория и история. С. 664-665.

³ Там же. С. 665.

⁴ Рикер П. Память, история, забвение. С. 302.

жизнь, наполненная «вызовами» власти. В этом отношении для всестороннего анализа дихотомии «мещанин – власть» (чтобы не свести «познание к регистрации»), оказываются необходимыми несколько теорий, пришедших в историю из структурализма и социологии: теория «социального пространства» П. Бурдьё, теория «знания – власти» М. Фуко, символический интеракционизм Дж. Г. Мида и теория социальной рефлексивности Э. Гидденса.

Признавая вслед за П. Бурдьё идею о том, что социальное пространство «столь же реально, как географическое пространство»¹, мещанское сообщество города мы анализируем как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат», а также распределения власти, «активированной в каждом отдельном поле»². «Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п.»³

Разделяя тезис, сформулированный сторонниками теории социального действия о том, что структура формируется с помощью действия и взаимодействия⁴, мы анализируем поведение акторов – мещан, то, как они относились друг к другу и обществу. Но символический интеракционизм гораздо шире одного действия. Он возник из интереса к языку и смыслу⁵. Через язык люди получают возможность «стать существами, обладающими самосознанием, т. е. знающими о своей индивидуальности и способными себя увидеть со стороны, так как нас видят другие»⁶. И в этом процессе главным элементом становится символ. Дж. Мид утверждал, что «люди полагаются на общепринятые символы и представления при взаимодействии друг с другом»⁷. Не преувеличивая степень влияния символического общения в формировании общества и его институтов, при рассмотрении повседневной сословной жизни, символический интеракционизм помогает выявить такие депрессии, которые скрепляли, удерживали и охраняли «от распада живую пластич-

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 18.

² Там же. С. 16.

³ Там же.

⁴ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 31.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ную ткань психических образов, совершенно аналогично тому, как скелет фиксирует живую, пластичную ткань коллоидных белков нашего тела»¹. Сословие в начале XX в., в период, когда сама власть отменила многие удерживающие структуру от распада параметры, а революции, войны и информационные потоки расшатывали традиционные сословные ценности.

В рассуждениях о власти и обществе М. Фуко центральная роль отводится дискурсу. Две концепции М. Фуко, об «археологии знания» и о «знании – власти», помогают выявить механизмы взаимодействия власти и сословной структуры на повседневном уровне. Первая излагается в книге «Слова и вещи»². Обосновав понятие эпистемы, Фуко породил соблазн выявления этого глубинного, фундаментального уровня в пространстве того явления, которым занят историк, идущий по стопам Фуко. В нашем случае подобной «эпистемой» или «априори» задающим «условие», выступает «золотой век городского гражданства», он же «потерянный рай», он же некая аутентичная русскому урбанизму структура, чье угасание растянулось на весь пореформенный период. Именно в ней, а не во всесословном постреформенном городском пространстве была уловлена некая взаимосвязь между языком, мышлением, знанием и вещами. «Дискурсивным событием» для данной эпистемы выступает «Жалованная грамота городам» Екатерины II. «Популяцией событий в пространстве дискурса» явилось городское самоуправление, проявившее себя в период до реформы 1870 г.

Тема «знания – власть», сформулированная М. Фуко в его книге «Надзирать и наказывать»³, доказывает распространение власти на всю сферу социального. Антропологические методы исследования, применяемые в работе, дают право обозначить некое коллективное мещанское «тело», оно же вместилище души. И вслед за Фуко утверждать, что «тело непосредственно погружено и в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»⁴. И, несмотря на то, что по существу в качестве объекта исследования берется сословная структура, вслед за Фуко мы обна-

¹ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 131.

² Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁴ Там же. С. 39-40.

руживаем, что «отношения власти... не локализируются между государством и гражданами или на границе между классами», а «выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности»¹. Многочисленные латентные техники «захвата тела» властью будут исследоваться в разделах о паспорте, о рекрутстве, о вере, собственно, во всех разделах, посвященных общественной и частной жизни мещанина, так как во всех своих ипостасях жизнь человека – это «дисциплинарное пространство», в котором он живет, из которого бежит и куда возвращается, чтобы закончить свой жизненный путь.

В целом, безусловно, нельзя не согласиться с выводом Н.Е. Копосова о том, что «микроистория как логически независимая по отношению к макроистории методологическая перспектива возможна при выполнении одного из двух условий: либо если она откажется от предполагающих обобщение интеллектуальных стандартов, либо если она выработает такие формы обобщения, которые будут логически независимы от тех, на которых основана макроистория»². Несмотря на мнение Н.Е.Копосова о том, что «рассказать человечеству о его судьбе» может только «глобальная история», а в «осколках прошлого» историки «смогли открыть мало новых глубин»³, только пересечение «границ» и строительство методологических «мостов» могут помочь выявить особый мещанский образ жизни и тип мышления в социально взаимопроникаемом российском обществе. Особенно в ситуации, когда одна культурно доминирующая мысль об отрицательной роли мещанского типа смогла, подобно гигантскому чистильщику, стереть в культуре все положительное эмоциональное наследие данного сословия, оставив в делопроизводствах только такой комплекс сословных эмоций, который связан с отрицательными эмоциями жизни в государстве и с повседневными хитростями.

Таким образом, следует еще раз отметить, что микроисторический подход в данном исследовании, как и в историографии, появляется на фоне кризиса доверия к метанарративу. Что касается истории повседневности, на наш взгляд, это та область человеческой жизни, в которой в большей степени запечатлена «уходящая

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 41-42.

² Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек!: критика социальных наук. М., 2005. С. 142.

³ Там же. С. 5.

натура» времени. Люди, выхваченные исследователем в их рутинный, обычный, ничем не примечательный день повседневного существования, страдают от холода, голода, болезней, обид, разочарований не меньше, чем застигнутые войной, революцией, стихийным бедствием. Для некоторых из них обида, нанесенная соседом, имеет не меньший уровень событийности, а иногда и больший, чем покушение на Государя Императора или страдания «братьев славян» от турецкого гнета.

Индивидуальная реакция зависит от степени приближенности «большого нарратива» к историческому актору и психологического склада личности. Повседневность всегда прислушивается. Реагирует на импульсы внешнего мира, доносящиеся в ее пространство через рассказ или взрывающие ее мирный ритм событийностью, «небывальщиной-неслыхальщиной». Поэтому повседневность – это такое же поле действия истории, но только в другом ракурсе: в пространстве проживания дня жизни. Все сужено до восприятия дня от рассвета до заката, от рождения до смерти. В повседневности заключен великий психотерапевтический эффект, сформулированный Екклесиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»¹.

Но и нельзя утверждать, что в этот будничнейший день никто из наших героев – мещан не задумывался о будущем страны, об исходе войны, о справедливости в мире и жизни после смерти. Поэтому так мучительно сложно заниматься повседневной историей. Поэтому-то многие исследования, написанные в рамках данной исследовательской позиции, напоминают картины П. Федотова с их тщательно прорисованными бытовыми подробностями и дидактическим смыслом. Н.Л. Пушкарева при анализе «истории повседневности» как направления исторических исследований совершенно справедливо замечает, что «реконструкция повседневности не так проста»². Начиная с возникновения «истории повседневности» как самостоятельной отрасли изучения прошлого в 60-е гг. XX в.³ и до сегодняшнего дня, накопился значительный массив методологических исследований, обосновывающих возможность использования

¹ Екклесиаст; Черное Солнце Когелет. М., 1996. С. 13.

² Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Там же.

данного метода¹. И тем не менее до сих пор удачные исследовательские проекты изучения повседневности в отечественной историографии «являются именно отдельными «островками»². Это работы О.Е. Кошелевой о жизни Петербурга петровского времени, А.Б. Каменского о повседневности русских городских обывателей XVIII в., Н.Б. Лебиной о советском городе, С.В. Журавлева о «маленьких людях» «большой истории» и т. д.³

В монографии О.Е. Кошелевой «Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени» исследуются на основании подворных переписей, судебных гражданских и уголовных исках и т. д. повседневные стратегии поведения горожан в процессе уникального социального эксперимента по созданию в России города европейского типа. Исследование О.Е. Кошелевой созвучно данному исследованию практически во всех основных мировоззренческих авторских установках: в принципе отношения к городскому пространству как к декорации, в границах которой протекает повседневная жизнь, в идее «мелкотемности» и роли «маленького человека» в истории, в логике отбора источников и в построении сюжета, связанного со стратегией выживания «маленького человека» в ситуации имперского вызова власти. О.Е. Кошелева обращает внимание на такие важные аспекты, как расхождение между усилиями власти и складывающейся в силу жизненных обстоятельств городской структурой, на созидательную роль крестьян в городе, на тот факт, что даже в условиях неустроенности, стесненных и суровых

¹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности : сб. науч. работ. СПб., 2003; Людтке А. История повседневности в Германии; Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности; Ее же. «История повседневности» и «история частной жизни»; Ее же. История повседневности: предмет и методы и т. д.

² История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX-XXI веков. СПб., 2006. С. 30.

³ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004; Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII века. М., 2007; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000.

обстоятельств жизни, именно своими повседневными стратегиями выживания, «снизу», горожане по-своему осуществили то, что было запланировано властью в качестве проекта создания «вестернизированного» города¹.

Н.Б. Лебина изучает повседневность советского города через призму норм и аномалий, сосредотачивая внимание на роли государственной власти в регулировании повседневной жизни граждан².

В истории повседневности самое сложное – сама повседневность, так как чрезвычайно трудно «охватить ...этот видимый, но не замечаемый мир привычек и ограничений, советов и одобрений, иллюзий и разочарований, рутины и банальности»³. Повседневность, как правило, выходит за границы институциональных проблем⁴. Из необходимости увидеть повседневность мещан провинции вытекает не только методологическая задача работы, но и мировоззренческая позиция исследователя, которая сводится к тому, чтобы проанализировать, как «за монологизмом идеологических и политических решений стоит плюрализм маленьких жизненных выборов, война ценностей (понятых как социальное отношение), символические игры»⁵. Для данного исследования сословной мещанской повседневности чрезвычайное значение приобретает угол зрения на уже известное, изученное так называемой «мещанской историографией». Как бы власть в Российской империи ни прописывала права и обязанности представителей сословия, «человек – не кукла на веревочках структуры», «его чувства и представления лежат в основе любой социальной системы»⁶.

Исходя из этого, выработалась следующая схема исследования повседневной истории. В качестве объекта анализа была выбрана не описательная повседневность всего города, а сословная повседневность, рассмотренная во взаимодействии власти с индивидами, составляющими данную общность и ее эволюция в поре-

¹ Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 396.

² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.

³ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.16.

форменный период. Взаимодействие власти и сословия было описано через смену социальных ролей, стереотипов поведения и нюансированных социальных противоречий, политики государства, церкви, роли религии и различных форм идеологии. «Реконструкция картины мира, характерной для человеческой общности, или совокупности образов, представлений, ценностей, которыми руководствовались в своем поведении члены той или иной социальной группы»¹ достигается за счет выявления «точек бифуркации» или «болевых точек» их повседневного быта, исходя из «импульсов» источника, то есть «снизу», от самих акторов и их косвенно сохранившейся речевой картины мира, а не того, что кажется важным современному исследователю в результате его аналитических операций. Эти «точки бифуркации» были положены в основу структуры исследования. И, наконец, построение объяснительных моделей происходит с позиции приоритетности индивидуального над групповым и казуса над знаком.

Кроме того, в истории повседневности есть место этике и ее художественному акцентированию текстом. В этом отношении актуально замечание А. Людтке о том, что повседневность – это еще и «детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний. Воспоминаний, любви и ненависти, а также и надежд на будущее. Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остался безымянным в истории. Индивиды в таких исследованиях предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего»².

Внутри проблемы повседневной жизни существует особый вопрос, связанный с так называемым «кризисом повседневности». Кризис повседневности не обязательно бывает связанным с кризисными моментами, переживаемыми обществом. Иногда войны и революции, не ставя перед собой специальных задач реконструкции «повседневного человека», не вызывают «кризис повседневности», в то время как сознательное конструирование властью «мелочей» или «подробностей» жизни людей в государстве вызывает «кризис» и «перформатирование» повседневного человека. В этом отноше-

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 29.

² Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 77.

нии интересно исследование В. Розенберга, посвященное проблемам повседневной жизни в России в 1914-1923 гг.¹

Свою повседневность изобретает каждый автор. Мещанская повседневность, рассмотренная в моих работах, это, во-первых, сословная повседневность, во-вторых, речевая повседневность, в-третьих, дискурсивная повседневность и, в-четвертых, эмоциональная повседневность.

УДК 908+929

DOI: 10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-52

*Курбатова А.В.*²

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КИНЕМАТОГРАФИИ
В СССР В НАЧАЛЕ 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

(г. Самара)

В статье рассматриваются историографические аспекты изучения в отечественной исторической науке государственной политики в сфере кинематографии в СССР начала 1920-х – середины 1960-х гг., выделяются историографические этапы в исследовании проблемы, дается характеристика основных видов научных публикаций.

Ключевые слова: советская кинематография, историография проблемы.

*Kurbatova A. V.*³

**STATE POLICY IN THE FIELD OF CINEMATOGRAPHY IN
THE USSR IN THE EARLY 1920S – MID-1960S: PROBLEMS
OF HISTORIOGRAPHY**

(Samara)

The article examines the historiographical studies aspects of the study in the national historical science of state policy in the field of cinematography in the USSR in the early 1920s – mid-1960s, identifies the historiographical stages in the study of the problem, gives the characteristics of the main types of scientific publications.

¹ Rozenberg W.G. Problems of Social Welfare and Everyday Life // Critical companion to the Russian Revolution. 1914-1921. Ed. By Edvard Acton, Vladimir Iu. Cherniaev, William G. Rozenberg. P. 633-645.

² Курбатова А.В. – бакалавр исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, pav_samregion@mail.ru

³ Kurbatova A.V. – bachelor of History, Samara National Research University, pav_samregion@mail.ru